

Жан-Луи Барро: «Долгожданная встреча с советскими зрителями»

В соответствии с программой культурных обменов между СССР и Францией в нашей стране сейчас проходят гастроли одного из ведущих драматических театров Франции, «Компани Мадлен Рено — Жан-Луи Барро». Впервые советские зрители познакомились с этой труппой в 1962 году. В нынешней программе французских гостей — трагедия «Христофор Колумб» П. Клоделя, пьеса «Гарольд и Мод» К. Хиггинса и композиция на стихи французских поэтов «Дарованная жизнь». Вот что ответил на вопросы нашего корреспондента основатель театра, известный актер и режиссер Жан-Луи Барро.

— Итак, после 14-летнего перерыва — новая встреча с советским зрителем. Какие она принесла впечатления?

— Добавьте: долгожданная встреча. С тех пор, как мы впервые побывали в Советском Союзе, много воды утекло, много объездили мы других стран, играли на самых различных сценах мира. И, должен признаться, чем боль-

ше видели, тем больше убеждались, что наша публика — совершенно особенная по своей тонкости, культуре, по умению распознать самую суть произведений. И хотя в зале, конечно, далеко не все понимают язык, реакция — на юмор, прозаично, на поэтическую интонацию — подчас оказывается мгновеннее и правильнее, нежели даже у французских...

На афише поэтическая композиция «Дарованная жизнь», а в Париже с такими вечерами вы выступите крайне редко. Чем это можно объяснить?

— Видите ли, отираваясь, как нам, мы знаем, что найдем бла-

Жан-Луи Барро (в центре) в сцене из спектакля «Христофор Колумб». Фото А. Капшенича.

годатную, подготовленную для восприятия поэзии почву. Как ни парадоксально, но на родине Гюго, Бодлера, Верлена сейчас упорно насаждается мнение, что стихи — это непременно нечто «сложное, заумное» и что вообще «можно прекрасно обойтись и без этого баловст-

на». На поэзию приклеен ярлык «переносчивости». Ей ставят барьеры директора театров, продюсеры телевидения, пресса. Совсем недавно я подготовил новую сольную работу, посвященную Лафонтену. Так на премьеру не было ни одного журналиста! И в газетах, со-

ответственно, — почти ни слова. Вместе с тем, когда барьеры эти удается сломать, видишь, насколько народ у нас испытывает потребность в поэтическом слове.

— Два года тому назад ваша труппа отменила довольно необычное новоселье, переехав в помещение одного из парижских вокзалов. Расскажите, пожалуйста, как это все происходило.

— В 1968 году во время майско-июньских событий тогдашний министр культуры, в наказание «за вольные речи», решил лишить нас «Одеона» — одного из лучших субсидируемых государством театральных залов столицы. Мы оказались без крыши над головой и долгое время вели полубродячий образ жизни, пользуясь временным гостеприимством то здесь, то там. Работать не прекращали ни на день и даже выпускали новые спектакли, но было очень трудно.

И вот однажды, глядя на помпезное, почти заброшенное здание вокзала Орсе — он расположен на берегу Сены, в самом центре Парижа, и давно уже обслуживает лишь несколько пригородных линий — я вдруг подумал: «А что, ес-

ли попытаться здесь...» Большинство восприняло это как «бредовую идею». Но мы с Мадлен загорелись, преодолели все административные преграды, добились разрешения. Больше того — уговорили начальни-ка вокзала составить расписание тех редких поездов, что проходят под будущим театральным залом, так, чтобы оно не накладывалось на расписание спектаклей. Сначала для пробы поставили здесь под величественными сводами здания конца XIX века просто шашпито — самое обыкновенное цирковое шашпито. А вскоре, видя, как блестяще идут дела, решили позволить настоящие стены — деревянные, строить настоящий зал — на месте вокзального фойе — на месте вокзального перрона.

Это требовало немалых средств. И тут мы еще раз убедились, что у нашего театра есть много друзей, готовых конкретными делами помочь нам выжить. И даже среди строительных подрядчиков обнаружались «театралы», которые выжили работать если и не совсем задаром, то за самую минимальную плату. Впрочем, мы сами, актеры, тоже превратились на те дни в строителей. Мне же лично пришлось разработать проект очень приподнятого математического обра-

— В этом году «Компани Рено — Барро» исполняется 30 лет. О чем думаете вы, оглядываясь на большой путь?

— В первую очередь о том, что на этом пути мы с женой часто сталкивались с, казалось бы, непреодолимыми трудностями, с риском. Уже само по себе решение, которое мы «Мадлен» приняли в 1946 году, — уйти из «Комеди Франсез» и основать на пустом месте свою собственную труппу — было огромным риском (хотя по молодости лет неосознанным). Да и потом судьба обходилась с нами по-разному: сегодня дарила залы-дворцы, завтра забирала и оставляла под открытым небом. Но никогда мы не жалели о своем выборе и не отказывались от своего девиза: независимый театр, театр — свидетель времени. И никогда, даже в самые, казалось, безысходные минуты не покидала нас надежда. О ней, об этой надежде, светицей нам всегда, — наш с Мадлен поэтический спектакль-дуэт, который мы показали сейчас в нашей стране. Это как бы траектория нашей жизни, которая прочерчена с помощью любимых стихов, утверждающих любовь к людям и невозможность полного счастья без самоотверженного служения им.

Беседу провела
Е. КАРАСЕВА.

